

О ЧЕЛОВЕКЕ КАК ПРЕДМЕТЕ ПОЗНАНИЯ

К. К. ПЛАТОНОВ

(Москва)

Книга начинается с заголовка. Заголовок этой книги¹ не только бросок, но и как нельзя более емко и точно соответствует ее замыслу.

Эта книга — монография о *человекознании*, новой системе знаний, имеющей тенденцию перерасти в самостоятельную науку, для которой человек является не только объектом, но и именно предметом. Ведь объект познания не создает науки, так как один и тот же объект может изучаться очень разными науками и общий объект познания только сближает эти науки. Объект науки — это изучаемые ею вещи или явления, а не их сущность.

Предмет науки — это тот теоретический аспект, специфический угол зрения, под которым наука рассматривает изучаемый объект, раскрывая его сущность в системе своих понятий и используя для этого свои методы. Рецензируемая монография убедительно показывает, что уже достаточно четко намечается интегративная наука, раскрывающая сущность человека в целом, для которой человек является предметом познания, которая называется *человекознанием* и в которой психология занимает центральное место.

Как известно, за рубежом сейчас много пишут о *человекознании*, но чаще под таким понимают либо механическую сумму медицины, психологии и социологии, либо отстаивают необходимость создания «*философской антропологии*». Б. Г. Ананьев понимает *человекознание* несравненно шире и, считая философию основой для построения *человекознания*, не подменяет его *философской антропологией*. Этот труд переключается не только по названию, но и по обобщению очень большого современного фактического материала с классическим трудом К. Д. Ушинского «*Человек как предмет воспитания*». В книге, в которой подожжена многолетняя работа автора и его сотрудников и которая содержит большой справочный и познавательный материал, человек выступает в своей целостности.

«Все возрастающее многообразие аспектов *человекознания* — специфическое явление современности, связанное со всем прогрессом научного познания и его приложениями к различным областям общественной практики». Эти слова, написанные на первой странице текста книги, показывают ту объективную силу, которая способствует привлечению к *человекознанию* внимания психологов-марксистов.

В главе первой — «Проблема человека в современной науке» и главе второй — «Становление системы *человекознания*» Б. Г. Ананьев рассматривает в единстве логического и исторического аспектов: общественные стимулы, содержание и взаимосвязи наук о человеке, дающих в интеграле, именно в интеграле, а не в сумме, — *человекознание*.

Каждая наука — это система знаний о сущности излагаемого ею предмета. Б. Г. Ананьев, понимая *человекознание* как систему наук о человеке, не только раскрывает эту систему в словах, в кратко изложенном их историческом развитии, но и наглядно показывает на схемах. Эти схемы отнюдь не случайное добавление к тексту, а результат глубокого исследования проблемы, обозначенных в их заголовках и анализируемых в соответствующих местах текста.

Вообще системно-структурный анализ, положенный в основу труда, очень способствует четкости анализа и изложения материала. Вместе с тем именно системно-структурный анализ позволяет более отчетливо увидеть дальнейшие перспективы и желательные уточнения уже сделанного.

Структура человека, взятого как целое, включает в себя две подструктуры: человека как организма и человека как личности. И не случайно о человеке как организме и личности в монографии говорится уже на стр. 5. Далее подробно рассматривается различие антропогенеза человека как организма и социогенеза его как личности, что отражено и на «Схеме классификации основных наук о *Homo sapiens*» рисунка 2 (стр. 60). Но в дальнейшем социогенез человека непосредственно связывается с социогенезом *человечества* (в § 3 гл. 2 и рис. 3). А это заставляет насторожиться, поскольку этот раздел кончается словами:

¹ Б. Г. Ананьев. *Человек как предмет познания*. Изд-во ЛГУ, 1968. 339 стр., тираж 10 000, 1 р. 38 к.

«из всех разделов современного *человекознания* (курсив мой — К. П.), даже всей науки в целом, наименее разработанным и наиболее трудным является именно этот вопрос, материалом к решению которого может послужить прилагаемая схема» (стр. 70). А насколько выше стоят следующие, даже выделенные курсивом слова: «система наук о человечестве не исчерпывается кругом специальных общественных наук» (стр. 68). Но раз только не исчерпывается, то значит все общественные науки включаются в человекознание. Так ли это? Скорее все-таки так же, как человекознание, опираясь на философию, не является все же «философской антропологией», так оно во многом и более всего в социальной психологии, смыкаясь с общественными науками, не включает их в себя. Хотя человека нет вне человечества, а человечества — вне общества, вряд ли стоит человекознание расширять почти до той «одной науки», о которой думал молодой Маркс в период, когда исторический материализм еще не был создан.

Диалектическое понимание структуры отличается тем от издавна существовавшего ее понимания как связей элементов в науке о человеке, межфункциональных связей, что оно включает в себя и целостность, придавая связям решающее значение. Поэтому подструктуры всегда перекрывают друг друга. Материалы двух первых, уже названных глав, обсуждаемой монографии, и особенно главы третьей — «Онтогенез и жизненный путь человека», убедительно показывают взаимоперекрывание стыков подструктуры человека как организма и подструктуры его как личности.

Это особенно отчетливо видно из материала, описанного на стр. 79—86 и наглядно показанного на рис. 5, где дана «Схема основных проблем и наук о человеке как индивиде и его онтогенезе». Там убедительно показано, что одно и то же явление может быть объектом различных наук о человеке. Но на ней также отчетливо видно, что во многих (если не в большинстве) явлениях человек выступает и как организм и как личность. Это лишний раз подтверждает, что система наук о человеке не зеркально отражает структуру изучаемых явлений, а раскрывает их сущность. И для ряда наук (генетика, медицинские науки, дифференциальная психология) сущность связей важнее, чем сущность отдельных явлений, как элементов подструктур.

Три следующие главы имеют названия, точно и полно отражающие важнейшие и впервые у нас в таком объеме и с такой глубиной рассматриваемые вопросы. Это: «Половой диморфизм и психофизиологическая эволюция человека», «Соотношение возрастано-половых и нейродинамических свойств человека в его индивидуальном развитии» и «Нейропсихическая регуляция индивидуального развития человека». В этих главах подытожены работы сотрудников Б. Г. Ананьева. Их исследования каждое в

отдельности уже известны специалистам-психологам и здесь уместно только обратить внимание читателя на мастерский и очень глубокий их синтез, раскрывающий их единый замысел, разработку их с единых позиций.

Однако при переходе от этих глав к последней возникает, пожалуй, наиболее существенный вопрос, вызванный тем, что из монографии выпала глава, подытоживающая важнейшие работы ленинградских психологов по проблемам социальной психологии, в частности, исследования, публиковавшиеся в серии «Человек и общество», одним из редакторов которой является Б. Г. Ананьев. А ведь без этого направления работ психология не может играть роли главного связующего звена между общественными и естественными науками. Поэтому в этой центральной части монографии баланс между природным и социальным в человеке нарушен в сторону преобладания природного. Этот вынужденно появившийся и противоречащий основному замыслу автора уклон усугубляется отсутствием в монографии главы или, хотя бы, параграфа (а по общему стилю книги и соответствующей им схемы) о методах человекознания.

Вопрос о методах — это вопрос чрезвычайной важности для дальнейшей судьбы человекознания. Интегративная или, как теперь говорят, «стыковая наука» только тогда имеет право на самостоятельное существование и перспективу дальнейшего развития, когда она может к сумме сведений, получаемых методами входящих в нее наук, добавить что-либо об изучаемом объекте «сверх того». А это может быть достигнуто только применением дополнительных специфических именно для этой новой науки, методов.

Конечно, можно попытаться вопрос о методах человекознания решить и иначе. Например, попытаться показать, что, опираясь только на методы отдельных наук, интегрируя полученные этими методами результаты, человекознание чисто теоретическими обобщениями привносит свое «сверх того». Но тогда, тем более, нужны социально-психологические исследования и методы. Особенно они нужны для дальнейшего раскрытия второй фазы двухфазного развития, о котором так хорошо написано на стр. 15, завершающей ранее изложенный материал по этой проблеме.

Последняя глава «Личность, субъект деятельности, индивидуальность» как бы возвращая читателя к первым трем главам, завершает понимание Б. Г. Ананьевым структуры человека. На ее последней странице, на рис. 17 приведена «Общая структура человека и взаимосвязи развития его свойств». Последний параграф этой главы, названный «Подступы к проблеме человеческой индивидуальности», Б. Г. Ананьев начинает словами, наиболее четко раскрывающими психологический замысел монографии. «В нашей работе, — пишет он, — сделана проба различения свойств

человека как *индивида, личности и субъекта деятельности*, составляющих единую историческую природу человека. Понимание социальной детерминации всех этих свойств и единства их материальных механизмов позволяет объяснить генезис психических функций, процессов, состояний, тенденций и потенциалов человека, исследовать его внутренний мир объективными средствами современной науки» (стр. 326).

Бесспорное достоинство монографии в том, что в ней автору удалось, последовательно проводя свой замысел в большом числе работ, получить и обобщить очень большой материал, подтверждающий его. Особо надо отметить одно из центральных положений автора о том, что субъектом деятельности является человек в целом, а не личность. Убедительно показанное и доказанное оно является противопоставлением до сих пор существующим попыткам определять личность не через сознание (в его, конечно, ленинском, а не феербахианском понимании), а через деятельность.

Но вместе с тем, в этой по существу очень последовательно и убедительно развиваемой концепции нельзя не отметить некоторых неясных, быть может, спорных мест, которые, пожалуй, скорее являются терминологическими, но бесспорно нарушающими стройность разбираемой в монографии системы понятий.

В монографии понятие человека как организма (а ведь об этом идет речь в параграфе 5 главы 2 и на рис. 5, да и во всех других местах) заменено понятием «индивид». А ведь понимание индивида только как человека в его природной сущности и рядоположного с личностью, усложнив систему понятий, заставило Б. Г. Ананьева ввести понятие «индивидуальности», также рядопологая ее с личностью. Иерархия «индивид — личность — индивидуальность» (стр. 330) так и остается непонятной и нераскрытой.

Не логичнее ли было бы на схеме рис. 17 слева внизу вместо слов «Человек как индивид» написать «Человек как организм», а в центре вместо «индивидуальность» «индивид», соответственно отразив это и в тексте?

Видимо не случайно на протяжении всех страниц обсуждаемой книги (так же, как и ни у одного автора, употребляющего эти термины в их рядоположении с лич-

ностью) не дано четких определений этих понятий.

Второй также, пожалуй, терминологический вопрос: можно ли личность и субъекта деятельности рассматривать как рядоположные, а не взаимосвязанные свойства человека, как это сделано в последней главе разбираемой монографии. Б. Г. Ананьев, как уже было отмечено, очень убедительно доказывает, что определять личность как субъекта деятельности или труда нельзя (стр. 87), так как это отождествляет личность и человека. Вот почему определение «личность — это человек как носитель сознания» (с позиций ленинского понимания сознания реализованного в психологическом принципе единства сознания и деятельности), видимо, более точно показывает взаимосвязи человека, личности и деятельности, чем рядоположение свойств человека как личности и как субъекта деятельности.

Третий — также, возможно, только терминологический вопрос. В ряде мест Б. Г. Ананьев, говоря о человеке как субъекте деятельности, связывает это понятие с ролью человека, начиная со стр. 89 и особенно на стр. 288—300. Но на этих последних страницах понятие о роли связывается уже с личностью, о чем говорит даже название параграфа 2 гл. 7 «Общественные функции — роли и целостные ориентации личности». Вот и возникает вопрос, почему субъектом деятельности является человек и деятельность является функцией человека, а роль является функцией личности и, следовательно, субъектом роли является только личность.

Ведь, если человек как индивид, абстрагированный от общества, может выступать (и, следовательно, рассматривается) только в двух качествах — организма и личности, то человек как элемент общества получает от последнего еще одно качество, которое можно называть социальным статусом, а можно и ролью, но тогда точнее — ролями, поскольку их у одного человека всегда несколько. Роли человека и его деятельность во многом, хотя и не жестко и далеко не полностью, взаимообусловлены. Между ролью, всегда задаваемой человеку обществом, и его деятельностью стоит самосознание человека, формируемое как задаваемыми ему ролями и его индивидуальностью как человека в целом, так и его деятельностью. Все это, быть мо-

жет, только в других терминах, логично вытекает из всего большого и убедительного материала обсуждаемой монографии. Это и дает право поставленный вопрос рассматривать, как и предыдущие, только как терминологический.

Такое мнение основывается и на том, что обсуждение последней главы монографии начинается определением личности («Личность — общественный индивид, объект и субъект исторического процесса»), в большей степени относящимся к человеку. А это, ведь, является подтверждением слов Б. Г. Ананьева, данных в сноске на этой же странице, о том, что именно значением личности среди всех свойств человека «объясняется идентификация более общего понятия «человек» с более частным понятием «личность», распространенная в современной философской и психологической литературе» (стр. 276).

Большой и ценный фактический материал, накопленный ленинградской школой психологов под руководством Б. Г. Ананьева

и частично опубликованный в обсуждаемой монографии, позволяет надеяться, что уже не далеко то время, когда будет внесена так нужная науке терминологическая ясность. Недостатки этого труда — это еще непреодоленные недостатки всей психологической науки. Но бесспорные достоинства этой книги, являясь существенным вкладом в науку, поднимают психологию на более высокую ступень.

Нашу рецензию хочется закончить последним замечанием — в адрес издательства, сделавшего доброе дело выпустив эту книгу. Книга ведь начинается не только с заголовка, но и с переплета. А кончается — указанием тиража. Такая книга достойна более ее сохраняющего твердого переплета и должна быть переиздана большим тиражом.

Примечание: Редколлегия просит читателей журнала высказать свое мнение о рецензируемой книге Б. Г. Ананьева.

